

УДК 81'25+81'42:303.446.2=111

ДИСКУРС И ТЕКСТ В ПЕРЕВОДЕ В.В. Демецкая (Херсон, Украина)

В.В. Демецкая. Дискурс и текст в переводе. Статья рассматривает проблемы текста и дискурса применительно в теории перевода. Уточняется понимание дискурса, его вертикальные и горизонтальные разновидности, прагматические характеристики текстов отдельных жанров. Доказывается, что культурная асимметрия обуславливает различия в парадигме текстов и доминирующих функций дискурсов, сохранение которых при переводческой трансляции способствует адекватной идентификации и интерпретации типа дискурса.

Ключевые слова: текст, дискурс, теория перевода, вертикальные и горизонтальные разновидности дискурса, культурная асимметрия, адекватный перевод.

В.В. Демецька. Дискурс і текст у перекладі. Стаття розглядає проблеми тексту і дискурсу стосовно теорії перекладу. Уточнюються розуміння дискурсу, його вертикальні й горизонтальні різновиди, прагматичні характеристики текстів окремих жанрів. Доводиться, що культурна асиметрія зумовлює відмінності в парадигмі текстів і домінуючих функцій дискурсів, збереження яких при перекладацькій трансляції сприяє адекватній ідентифікації та інтерпретації типу дискурсу.

Ключові слова: текст, дискурс, теорія перекладу, вертикальні і горизонтальні різновиди дискурсу, культурна асиметрія, адекватний переклад.

V. Demetskaya. Discourse and text in translation. This article focuses on the problems of text and discourse in connection with the theory of translation. The concept of discourse, its vertical and horizontal varieties, pragmatic features of texts of different genres are specified. It is proved that cultural asymmetry stipulates distinctions in the paradigm of texts and dominant discourse functions. Their preservation in translation stipulates adequate authentication and interpretation of the type of discourse.

Keywords: text, discourse, theory of translation, vertical and horizontal varieties of discourse, cultural asymmetry, adequate translation.

Появление в конце 20-го века проблемы «лингвистической интерпретации человека» [Дуличенко 1996: 124–131] привело к более тесному взаимодействию лингвистики с другими антропоориентированными дисциплинами и последующему проникновению лингвистической информации в другие сферы знаний. Этот процесс способствовал **актуализации** в научном пространстве

лингвистики текста, семиотики, лингвопрагматики, теории коммуникации и межкультурной в частности, теории перевода, теории дискурса, методологическая база которых строится с учетом таких экстралингвистических факторов, как развитие средств коммуникации, связи, информационных технологий, глобализации, универсализации и т.д. [Арутюнова 1990: 136–137].

Очевидно, что такая парадигма подходов потребовала решения целого ряда теоретических и практических вопросов, связанных с разграничением понятийного аппарата, описанием методологических и лингвистических основ, разработки концептуального и терминологического метаязыка. Интегративная сущность лингвистической теории текста, коммуникации, лингвистики дискурса [Ревзина 1999: 25–33], а в нашем случае – и теории перевода, определяет **цель** данной статьи – установление дифференциального объекта их исследования применительно к переводоведению, начиная с уточнения самого термина «дискурс».

Впервые появившись в контексте прагматического описания функционирования языка во второй половине 20-го столетия, термин «дискурс» трактовался с учетом различных теоретических подходов, получая свое дальнейшее распространение, однако, и сейчас не существует общепризнанных дефинитивных параметров дискурса, которые полностью раскрывали бы его сложную когнитивную иерархию и коммуникативную специфику.

Регистр значений термина «дискурс» изменялся в соответствии с развитием лингвистической семантики текста. С точки зрения семиологического подхода к изучению языка понятие «дискурс» осознавалось вторым маркированным членом сосюровской оппозиции «язык – речь» [Якобсон 1996: 357–377] с акцентом на получателя сообщения [Бенвенист 1974: 446; Гаспаров 1996: 352; Серио 1999: 337–383].

Родоначальником современной теории дискурса по праву считается голландский ученый Т. ван Дейк, который на основе работ Лакоффа, Филмора, Серля [Lakoff, Hedges 1973: 458–508; Searle 1970: 204] в области лингвистической прагматики установил существование не только связанной последовательности предложений как семантической макроструктуры текста, но и связанной последовательности речевых актов – как прагматической макроструктуры текста [Дейк 1989: 312]. По сути Т. ван Дейк наметил интегральную связь языка – речи (текста как ее материального проявления) – коммуникативной ситуации и получателя, адресата.

В то время трактовка термина «дискурс» сводилась к понятию сети эквивалентности между фразами или «цепочками фраз как высказываний, сверхфразовых единиц...и связанной с ними ситуации» [Селиванова 2002: 336; Harris 1969: 43–59], «связной последовательности предложений или речевых актов» [Дейк 1989: 8]. Таким образом, термин «дискурс» впервые был вписан в социальный контекст функционирования языка.

Пожалуй, наличие именно социального контекста или коммуникативной ситуации как основополагающего критерия идентификации дискурса не вызывает сомнений в рамках современного подхода к изучению этого явления. Действительно, большинство отечественных и зарубежных ученых согласны с тем, что «дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста» [Арутюнова 1990: 136–137; Караулов, Петров: 8; Селиванова 2002: 3]. В широком понимании термин «дискурс» используется при обозначении различных видов речевой деятельности, связность и осмысление которых происходит с учетом всей совокупности не только языковых факторов [Арутюнова 1990: 414].

В основу современных описаний дискурса положено разнообразие теоретических и методологических подходов, отражающих концептуальность этого термина для исследований в области лингвопсихоментальной деятельности человека. Так, дискурс как следствие открытости языковой системы, проявляющейся во взаимодействии знакового и реального миров, представляется Т. ван Дейку «коммуникативным событием» [Дейк 1989: 121], американской исследовательнице Д. Шиффрин – интегративными устными и письменными высказываниями, взятыми в отдельном контексте [Schiffirin 1994: 470].

Несомненно, в этих суждениях заложен коммуникативный аспект понимания дискурса. Это даёт основания рассматривать дискурс как коммуникативную ситуацию, интегрирующую текст с другими ее составляющими [Nunan 1993: 6-7]. И, поскольку речь идет преимущественно о коммуникативной ситуации, коммуникативном «модусе дискурса» (термин В. Бурбело) [Бурбело 1999: 36], как его дифференциальном признаке, мы подразумеваем, наряду с текстом, и наличие субъекта высказывания, адресата, момент и определенное время ситуации [Шевченко 2005: 356].

Обязательное наличие в дискурсе актантов коммуникации – адресанта и адресата – актуализирует тексто-дискурсивную категорию адресованности, которая, в свою очередь, детерминирует лингвистические механизмы дискурса. Адресованность рассматривается как текстовая категория, отражающая в семантике и структуре текста его опредмеченную направленность на адресата коммуникации, которая задает тексту определенную интерпретационную модель как семантическая база текстовой рецепции [Воробьева 1993: 199]. Подобная направленность на адресата характерна для дискурса в целом [Мышкина 1991: 213].

С точки зрения категории адресованности концептуальный лингвистический каркас дискурса формируется на основе когнитивных и коммуникативных механизмов [Караулов, Петров 1989: 5–11; Колегаева 1991: 120, Мышкина 1991: 213]. Коммуникативные механизмы выражаются в использовании тех или иных коммуникативных стратегий и тактик [Колегаева 1991: 120], «моделей ситуаций» [Дейк 1989: 312], необходимых адресату в качестве основы интерпретации текста. Когнитивные механизмы включают в

себя аспекты ментального понимания дискурса, которые служат своеобразным «триггером», запускающим и направляющим процесс когнитивной обработки текста адресатом [Колегаева 1991: 120]. Коммуникативная направленность дискурса, его адресованность, позволяет привлечь к его изучению множество собственно коммуникативных, социальных и других экстралингвистических факторов [Весна 2002: 18; Протасова 1999: 142–155; Taylor 1995: 304; Taylor, Telbot 1997: 239].

Г.Г. Кук в книге «Дискурс» отмечает наличие трех контекстов дискурса: текстуального, социального, психологического [Cook 1994: 324]. Текстуальность дискурса свидетельствует о значимости текста для адресата: чем большее значение для адресата приобретает текст, тем интенсивнее он будет обрабатываться и тем лучше он сохранится в памяти адресата. Подобный когнитивный анализ единиц дискурса позволяет установить, для какой аудитории («своей» или «чужой») был написан текст, какую цель преследовал автор и, какого эффекта он достиг [Макеева 1998: 37–53].

Один из концептуальных подходов к изучению дискурса связывают с объединением в дискурсе вербальных и невербальных компонентов, соотношение которых предопределяет разграничение в дискурсе собственно текста как языкового, вербализованного, материального компонента и невербальных единиц, связанных с интерпретационным базисом адресанта/адресата, который охватывает социокультурные, этнопсихологические, прагматические и другие составляющие [Александрова 1999: 9-13; Арутюнова 1990: 136–137; Кравченко 2000: 3–9; Dirven, Verspoor 1998: 301].

С точки зрения лингвистической прагматики вербальные и невербальные компоненты имеют разные потенциалы воздействия с прогнозируемой эксплицитной и имплицитной формами актуализации и могут быть отнесены в регистр, соответственно, коммуникативных и когнитивных лингвистических механизмов дискурса [Кравченко 2000: 3–9].

С определенной долей уверенности можно говорить о том, что вербальная форма коммуникации по своей сути явление абстрактное, идеальное. В прагматическом смысле процесс когнитивной обработки дискурса и его интерпретация адресатом предполагают известную интерференцию вербального компонента с невербальным (непрерывная работа сознания человека), побуждая его к определенному (запрограммированному, заранее смоделированному) ответному действию [Грайс 1985: 217–237].

Рассмотрение понятия дискурса в аспекте его семантики и структуры позволяет утверждать, что в современной лингвистике и теории коммуникации под дискурсом понимаются «единицы и формы речи» [Протасова 1999: 144]; «связный текст в совокупности с экстралингвистическими <...> факторами» [Арутюнова 1990: 136–137]; «связный текст; устно-разговорная форма текста; диалог; группа высказываний, связанных между собой по содержанию; речевое соединение как данность – письменное или устное» [Николаева 1978: 33]; «совокупность высказываний, относящихся к определенной проблематике и

рассматриваемых во взаимосвязи с этой проблематикой» [Гром'як, Ковалів 1997: 201]; «связный текст в контексте многих конституирующих и фоновых факторов» [Шевченко 2005: 356]; «коммуникативное событие, ситуация...» [Селиванова 2002: 336]; «вербализованная и используемая для коммуникации (в широком смысле) совокупность соответствующих языковых знаний и стратегий» [Булатова 1999: 34]; дискурс как «текст в ситуации» [Серажим 2002: 392].

Приведенные фрагменты дефиниций, безусловно, не исчерпывают всего спектра существующих в отечественной и зарубежной прагмалингвистике и теории коммуникации определений дискурса, однако, с некоторой долей уверенности можно утверждать, что они в целом отражают академический взгляд ученых на это явление.

Представляется очевидным, что большинство ученых-теоретиков дискурса, выбирая основной референт данному понятию, руководствуются задачами научной дисциплины, в рамках которой они призваны решить теоретические и практические задачи. С позиций переводоведения модель прагматической ситуации воздействия, принципы и категории ее лингвистического и экстралингвистического формирования выступают основным, если не единственным, критерием дифференциации дискурсов по степени их прагматичности. Разумеется, самой ситуацией восприятия, ее участниками программируется реализация дискурса в том или ином типе текста. Отчасти это зависит от доминанты одной из «точек зрения», латентно высказанных в дискурсе.

Дискурс как семиотический процесс представляется дихотомией «текст и экстралингвистические факторы», поскольку «источником информации о дискурсе является текст, письменный и устный» [Булатова 1999: 34]. И, если предположить, что инвариантными признаками дискурса представляются текст (предлагаемые всевозможные комбинации смежных явлений нами не анализируются) и экстралингвистические факторы, определяющие статус коммуникативной ситуации, то с точки зрения теории адаптации особенный интерес представляет процесс идентификации дискурсов и текстов с учетом асимметрии культур.

Итак, дискурс как коммуникативный процесс отражен формулой «текст и действие». В этом отношении примечательным в дискурсе с прагматической точки зрения будет коммуникатор или адресант и текст, смоделированный в расчете на модель мира аудитории, а не на индивидуального реципиента. Реально коммуникатор (адресант) передает не сообщение, информацию, а «ключ», приводящий в действие психологические механизмы социума, которые максимально соответствуют запрограммированной им модели поведения. Обобщая, можно сказать, что подобный подход к описанию дискурса вполне отвечает остроумной фразе М. Фуко – «...говорить можно не все, говорить можно не обо всем, говорить можно не всем и не при любых обстоятельствах» [Фуко 1996: 51]. Это же утверждение вполне применимо и к работе

переводчика, который особенно при трансляции прагматических текстов и дискурсов, должен сознательно делать выбор между переводческими и адаптивными стратегиями в зависимости от типа дискурса/текста, близости/дальности языков, культур и учета возможной, прогнозируемой реакции аудитории.

Дискурс – медиатор между аудиторией и текстом [Новикова 2005: 432]. К разряду наиболее культуроспецифических дискурсов можно отнести политический и религиозный дискурсы потому, что именно они реализуют в полном объеме идеологическую, историческую и национальную составляющие той или иной культуры.

Имплицативным для любой идеологии является стремление к установлению светского и религиозного лидерства. Привычные для нас определения идеологии и свойственные западному менталитету представления об идеологии сходятся на том, что это некий набор (set), система идей и/или верований (beliefs) [Тер-Минасова, 2000: 194]. Основным для нас представляется латентное стремление идеологии устанавливать в обществе определенные светские и религиозные нормы или директивы, позволяющие осуществлять метасемиотический глобальный контроль за процессами, которые, так или иначе, протекают в различных социально активных сферах. Функциональное подразделение идеологии на светскую и религиозную сферы реализуется посредством принципа секуляризации и предполагает их диверсификацию, закрепленную в терминах культуры. Понятие светской культуры основано на рационалистических размышлениях, базой которых являются «продуктивные достижения и открытия науки при отрицании, как правило, различных религиозных культов» [Хоруженко 1997: 431]. По мере своего исторического развития религия, не отказываясь от решения мировоззренческих задач, приобретает все более выраженные социально-регулятивные и общеидеологические функции [Флиер 2000: 227–229]. Возможным поэтому становится принципиальное разграничение (светской) культуры и религии по принципу конвенции, предложенной А. Флиером: «в культуре доминирует социальная конвенция между людьми, выраженная преимущественно в форме традиции, а в религии действует сакральная конвенция (договор) между Богом и людьми, выраженная в той или иной форме самого религиозного учения» [Флиер 2000: 227].

Таким образом, идеология представляется системой формирования моделей политических, правовых, нравственных, религиозных, эстетических и философских взглядов социума, концептуальная структура которой в большей мере определяется прагматическими, социокультурными характеристиками дискурсов.

Говоря терминами лингвистической прагматики, перед нами прагматическое по своей сути коммуникативное поле, которое, с одной стороны, конденсирует все возможные дискурсы/тексты, группирует их по двум направлениям функционирования – светскому и религиозному, а с другой

стороны, генерирует, порождает новые прагматексты в рамках дискурсов, руководствуясь системой (внешних и внутренних) запретов и исключений.

Оппозиция «светский – религиозный» может быть уточнена с позиций анализируемых дискурсов как «социальный-религиозный», поскольку политический дискурс реализует высшую социальную власть, а религиозный – высшую сакральную власть. Разумеется, что степень реализации власти актуализируется по-разному во всех типах текстов, входящих в дискурс, однако, наиболее четко она проявляется в прагматических типах текстов. И это объясняется тем, что прагматекст – это тот тип текста, который рассчитан на изменение поведения адресата. Задача прагматекста заключается не только в том, что адресат должен понять текст и его почувствовать (информативная функция), а прежде всего в том, чтобы адресат действовал в соответствии с программой, предложенной адресантом (волеуказательная, директивная функции). Этот подход предопределяет и парадигму прагматических типов текстов в обоих дискурсах, к которым относятся: учебный тип текста (политология, гомилетика), политическая речь и проповедь, рекламный текст. Но, если набор прагматических типов текстов в обоих дискурсах совпадает, и в обоих дискурсах реализуется концептосфера власти, возникает вопрос: есть ли какое-то существенное отличие в функционировании политического и религиозного дискурсов, и как это соотносится с проблемами выбора для переводчика между собственно переводческими и адаптивными стратегиями?

Интерпретация или идентификация политического и религиозного дискурсов как «социальный – религиозный» невозможна без учета одного из основополагающих факторов переводоведения – асимметрии культур. Другими словами, переводческая адаптация невозможна без учета аудитории – «своей» или «чужой», на которую рассчитан дискурс/текст, какую цель он преследует и, какую реакцию ожидает получить адресант.

Сопоставляя функционирование дискурсов в атлантической и восточнославянской традициях, обычно исходят из предположения, что для обеих культур политический и религиозный дискурсы интерпретируются и идентифицируются примерно одинаково и, если и существуют определенные различия, то они не носят принципиального характера и могут быть отнесены на счет разности языков и культур и, соответственно, решаются переводчиками в частном порядке без широкого привлечения переводческих адаптивных стратегий. Для того, чтобы доказать обратное, нам необходимо остановиться на тематическом контексте, единицы которого участвуют в формировании целостности дискурсивного поля [Арутюнова 1990: 136-137; Белова 2002: 136–137; Булатова 1999: 34–49; Бурбело 1999: 36; Весна 2002: 18; Демьянков 2002: 32–43; Проскуряков 1999: 34–49; Ревзина 1999: 25–33; Серажим 2002: 392; Шейгал 2004: 326]. Иначе говоря, тематика объединяет типы текстов, входящих в тот или иной дискурс.

Действительно, если для вычленения дискурса опираться на тематический критерий, то парадигма прагматических текстов политического дискурса

логично завершается рекламным типом текста, ибо и в атлантической, и в восточнославянских традициях политический рекламный тип текста занимает прочное положение как наиболее прагматический. То же можно сказать и в отношении религиозного дискурса в рамках атлантической традиции: в основе разграничения дискурсов в атлантической традиции положен принцип различия в тематике, поэтому естественным представляется и наличие в парадигме типов текстов и рекламы религиозной тематики.

Для атлантической традиции политический и религиозный рекламные тексты – это тексты разной тематики, а в восточнославянской традиции рекламные тексты религиозной тематики маркируются как значимо отсутствующие. Принципиальная разница заключается в том, что для восточнославянской традиции (православия) религиозный дискурс воспринимается не просто как особый тематический, но и особый онтологический дискурс: различаются мирские и сакральные дискурсы, где ощутимо разделение профанного и сакрального, при котором это не просто другая тематика текстов, а другая парадигма текстов. И эта парадигма текстов не может включать рекламные тексты религиозного характера (ср., например, реклама пороков и добродетелей). В пределах восточнославянской традиции отличие религиозного от «нерелигиозного» дискурса заключается в разной степени авторитетности, в атлантической – разной тематике. Степень авторитетности формирует вертикаль дискурсов, разность тематик – горизонталь. Таким образом, можно назвать два критерия определения дискурса: если дискурс анализируется по горизонтали, основным критерием выступает тематический, а если по вертикали – критерий авторитетности определяет место того или иного дискурса в пределах всего дискурсивного поля в рамках одной культуры.

Если при переводческой работе с дискурсами за отправную точку принимать положение о «вертикальном» расположении дискурсов в пределах восточнославянской традиции, приходится констатировать, что и переводческая адаптация имеет свои границы. Это особенно очевидно для типов текстов религиозного дискурса.

Степень прагматического потенциала резко возрастает в тех типах текстов, в которых максимально полно реализуются культурно обусловленные приоритеты и суперценности (в восточнославянской культуре – это проповедь). Именно поэтому при трансляции данного типа текста переводчику недостаточно собственно переводческих, репродуктивных стратегий: он работает с достаточно высоким уровнем ценностной шкалы православия. Для достижения адекватной реакции реципиентов переводчику необходимо прибегнуть к переводческим адаптивным стратегиям. Сознательные или неосознанные изменения ценностной шкалы могут привести к тому, что реципиент воспримет целевой текст не как адаптацию, а как «переворачивание» ценностной оси в том случае, если запретное, табуированное или кощунственное значение выдается за норматив. И тогда, к примеру, проповедь

может восприниматься не как не-проповедь, а как антипроповедь. В этом смысле принципиально невозможна переводческая адаптация рекламного текста религиозного характера атлантической традиции, поскольку в нормативном сознании носителя восточнославянской культуры рекламный текст воспринимается не как текст, а как антитекст.

Для атлантической традиции существование рекламного текста в религиозном дискурсе свидетельствует о том, что в этой культурной традиции, по-видимому, не существует разграничения по принципу мирской – сакральный дискурс. Для них актуально разграничение по тематическому критерию, поэтому религиозные и торговые рекламные тексты – это тексты разной тематики, но не разной структурно-композиционной и лексико-семантической организации.

Таким образом культурная асимметрия, обуславливает не только принципиальное расхождение в парадигме текстов, но также и определяет систему доминирующих функций дискурсов, сохранение которых при переводческой трансляции способствует адекватному восприятию того или иного типа дискурса, т.е. адекватную его идентификацию и интерпретацию. Сказанное открывает **перспективы** продолжения переводческих исследований в области дискурсов и текстов отдельных типов на материале различных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова О.В. Проблема дискурса в современной лингвистике / О.В. Александрова // Когнитивно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр. – Калининград: Калинингр. ун-т, 1999. – С. 9–13.
2. Арутюнова Н.Д. Дискурс / Н.Д. Арутюнова // Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – С. 136–137.
3. Белова А.Д. Поняття “стиль”, “жанр”, “дискурс”, “текст” у сучасній лінгвістиці / А.Д. Белова // Вісник “Іноземна філологія”. – К.: КНУ, 2002. – Вип. 32-33. – С. 11–14.
4. Бенвенист Э. Общая лингвистика / Э. Бенвенист. – М., 1974. – 446 с.
5. Булатова А.П. Концептуализация знания в искусствоведческом дискурсе / А.П. Булатова // Вестн. Моск. ун-та. Сер.9: Филология. – 1999. – №4. – С. 34–49.
6. Бурбело В.Б. Художній дискурс в історії французької мови та культури 9-18 ст.: Автореф. дис... доктора філол.наук / В.Б. Бурбело. – К., 1999. – 36 с.
7. Весна Т.В. Ідеологічний та національно-культурний компонент в семантичній структурі лексики політдискурсу (уа матеріалі франко-російськомовної преси 90-х років): фвтореф. дис. ... канд. філол. наук / Т.В. Весна. – Одеса, 2002. – 18 с.

8. Воробьева О.П. Текстовые категории и фактор адресата / О.П. Воробьева. – К.: Вища школа, 1993. – 199 с.
9. Гаспаров Б. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования / Б. Гаспаров. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 352 с.
10. Грайс Г.П. Логика и речевое общение / Г.П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1985. – С. 217–237.
11. Дейк Т.А. ван. Язык. Понимание. Коммуникация: Пер. с англ. / Т.А. ван. Дейк / Сост. В.В. Петрова / Под ред. В.И. Герасимова / Вступ. ст. Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
12. Демьянков В.З. Политический дискурс как предмет политологической филологии / В.З. Демьянков // Политическая наука. Политический дискурс: История и современные исследования. – № 3. – М.: Изд-во МГУ, 2002. – С. 32–43.
13. Дискурс как когнитивно-коммуникативный феномен / Под общ. ред. Шевченко И.С.: монография / Перевод с укр. – Харьков: Константа, 2005. – 356 с.
14. Дуличенко А.Д. О перспективе лингвистики XXI / А.Д. Дуличенко // Вестник МГУ. Сер. философия. – 1996. – № 5. – С. 124–131.
15. Караулов Ю.Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю.Н. Караулов, В.В. Петров // Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ.: сб. работ / Сост. В.В. Петров / Под ред. В.И. Герасимовича / Вступ. статья Ю.Н. Караулова и В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – С. 5–11.
16. Колегаева И.М. Текст как единица научной и художественной коммуникации / И.М. Колегаева. – Одесса: Изд-во ОГУ, 1991. – 120 с.
17. Кравченко А.В. Естественнонаучные аспекты семиозиса / А.В. Кравченко // Вопросы языкознания. – 2000. – № 1. – С. 3–9.
18. Літературозначий словник-довідник / Сост. Р.Т. Гром'як, Ю.І. Ковалів та інш. – К.: ВЦ “Академія”, 1997. – 752 с.
19. Макеева М.Н. Теоретическое обоснование общих проблем герменевтики / М.Н. Макеева // Антропоцентрический подход к языку: межвуз. сб. науч. тр. : В 2 ч.-Пермь:Пермский ун-т, 1998. – Ч.1. – С. 37–53.
20. Мышкина Н.Д. Динамико-системное исследование смысла текста / Н.Д. Мышкина. – Красноярск: Изд-во Красноярского гос. ун-та, 1991. – 213 с.
21. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики текста / Т.М. Николаева // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. № 8. – С. 29–47.

22. Новикова М.А. Міфи та місія / М.А. Новикова. – К.: ДУХ І ЛІТЕРА, 2005. – 432 с.
23. Проскуряков М.Р. Дискурс борьбы (очерк языка выборов) / М.Р. Проскуряков // Вестн. Моск.ун-та. Сер. 9:Филология. – 1999. – №1. – С. 34–49.
24. Протасова Е.Ю. Функциональная прагматика: вариант психолингвистики или общая теория языкознания? / Е.Ю. Протасова // Вопросы языкознания. – 1999. – № 1. – С. 142–155.
25. Ревзина О.Г. Язык и дискурс / О.Г. Ревзина // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. – 1999. – № 1. – С. 25–33.
26. Селиванова Е.А. Основы лингвистической теории текста и коммуникации: монографическое учебное пособие / Е.А. Селиванова. – К.: Изд-во укр. филосоциолог. центра, 2002. – 336 с.
27. Серажим К. Дискурс як соціолінгвальне явище: методологія, архітектоніка, варіативність (на матеріалі сучасної газетної публіцистики): монографія / К. Серажим / за ред. В. Різуна. – К.: Київ. нац. ун-т ім. Тараса Шевченка, 2002. – 392 с.
28. Серио П. Русский язык и анализ советского политического дискурса: анализ номинализаций / П. Серио // Квадратура смысла: Французская школа анализа дискурса: Пер. с франц. и порт. – М.: ОАО ИГ „Прогресс”, 1999. – С. 337–383.
29. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация: учеб.пособие / С.Г. Тер-Минасова. – М.: Слово / Slovo, 2000. – 624 с.
30. Флиер А.Я. Культурология для культурологов: Учебное пособие для магистрантов и аспирантов, докторантов и соискателей, а также преподавателей культурологии / А.Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.
31. Фуко М. Порядок дискурса/ М. Фуко // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет: Пер. с англ. / М. Фуко. – М.: Аспект пресс, 1996. – 581с.
32. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь / К.М. Хоруженко. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997. – 640 с.
33. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
34. Якобсон Р. Лінгвістика і поетика / Р. Якобсон // Слово. Знак. Дискурс: Антологія світової літературно-критичної думки ХХ ст. – Львів: Літопис, 1996. – С. 357–377.
35. Cook G. Discourse and Literature / G. Cook. – Oxford: Oxford Univ. Press, 1994. – 324 p.

36. Dirven R. Cognitive Exploration of Language and Linguistics / R. Dirven, V. Verspoor. – Amsterdam (Philadelphia): John Benjamins Publishing Company, 1998. – 301 p.
37. Harris Z. Discourse Analysis / Z. Harris // Languages. – 1969. – № 13. – P. 43–59.
38. Lakoff G. A Study of Meaning, Criteria, and the Logic of Fuzzy Concepts / G. Lakoff, A. Hedges // Journal of Philosophical Logic, 1973, No. 2. – P. 458–508.
39. Nunan D. Introducing Discourse Analysis / D. Nunan. – London: Penguin, 1993. – 175 p.
40. Schiffrin D. Approaches to Discourse / D. Schiffrin. – Oxford; Cambridge, MA, 1994. – 470 p.
41. Searle J.R. Speech Acts / J.R. Searle. – London: Cambridge Univ. Press, 1970. – 204 p.
42. Taylor J.R. Linguistic Categorization: Prototypes in Linguistic Theory / J.R. Taylor. – L., N.Y.: Routledge, 1995. – 304 p.
43. Taylor J.R. Theorizing Language / J.R. Taylor, J. Telbot. – Pergamon, 1997. – 239 p.

Владислава Валентиновна Демецкая, доктор филол. наук, зав. кафедрой теории и практики перевода английского языка Херсонского государственного университета; e-mail: vdemetskaya@mail.ru